

СТРАНИЦА ИСТОРИИ: ПУТЬ УЧЁНОГО

© **Сухих Ольга Станиславовна** (2023), ORCID ID: 0000-0002-1670-880X, SPIN-code: 7270-9237, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), ruslitxx@list.ru.

В преддверии юбилея талантливого нижегородского учёного-литературоведа Ивана Кирилловича Кузьмичёва публикуется посвящённый его судьбе очерк мемуарного характера, написанный Т.К. Сухих по материалам бесед с героем. В очерке даются биографические сведения о нём, рассматривается его военное прошлое, характеризуется его деятельность как учёного и педагога.

Ключевые слова: Иван Кириллович Кузьмичёв, Горьковский государственный университет, Великая Отечественная война, воспоминания, преподаватель.

Этой работой журнал «Палимпсест» продолжает ряд публикаций, посвящённых жизненному, творческому, научному пути нижегородских учёных-филологов, которые внесли серьёзный вклад в литературоведение. Среди подобных работ есть статьи о деятельности Всеволода Алексеевича Грехнёва [Юхнова 2020], Станислава Ивановича Сухих [Болнова 2020], Николая Михайловича Фортунатова [Юхнова 2021]. Сейчас, в преддверии юбилея Ивана Кирилловича Кузьмичёва, «Палимпсест» публикует архивный очерк, посвящённый его судьбе.

Автором очерка является Тамара Константиновна Сухих (1938–2013). Она была филологом, учителем русского языка и литературы, выпускницей историко-филологического факультета Горьковского государственного университета. На истфиле ГГУ она училась в эпоху «оттепели», затем преподавала в школе на Алтае, где тогда шло освоение целины и нужны были не только работники сельского хозяйства, но и учителя. Впоследствии, вернувшись в г. Горький, Тамара Константиновна была учителем-предметником, завучем, руководителем районного методического объединения учителей-словесников, имела звание «учитель-методист», внедряла новые для своего времени методы и приёмы работы. Писать очерки о семье, об

учёбе в университете, о работе в школах, о друзьях и педагогах она стала на склоне лет, когда из-за тяжёлой болезни уже не могла ни преподавать, ни даже читать или набирать текст, но могла обдумывать текст и диктовать – так и родился в 2012 году публикуемый ниже очерк.

Ивана Кирилловича Кузьмичёва Тамара Константиновна хорошо знала, и её рассказ о судьбе этого человека проникнут и уважением, и искренним интересом. Автор основывается на фактах, известных ему из бесед с героем очерка, который спустя много лет после описываемых событий вспоминал о пережитом и, как бы это ни было удивительно, с большой точностью и уверенностью говорил о собственных эмоциях. Интересно, что Т.К. Сухих фиксирует несовпадение своих ожиданий, которые возникали в соответствии с её пониманием ситуаций, и реальных чувств, пережитых героем, – это, прежде всего, касается эпизодов, относящихся к Великой Отечественной войне. В сознании автора очерка восприятие военных ситуаций было сформировано литературой или же воспоминаниями других людей, а в душе героя навсегда зафиксировались впечатления и эмоции, которые были прожиты и пережиты им лично. Эти две точки зрения соединяются в повествовании и создают его многомерность.

Когда речь идёт об Иване Кирилловиче Кузьмичёве как о преподавателе, мы видим его в нескольких ракурсах: о нём говорят те, кто учился у него на исходе XX столетия, кто работал вместе с ним, а автор вспоминает свои впечатления как абитуриентки, затем как студентки и осмысливает это с точки зрения прожитого, обрётённого опыта. Эти пересечения перспектив дают возможность показать богатство личности героя.

Стремление Тамары Константиновны Сухих написать этот очерк объяснялось не только желанием познакомить других с фактами жизни того, кто прошёл Великую Отечественную войну, а затем сумел достичь многого в науке. Для автора очерка Иван Кириллович был и солдатом, и учёным, и преподавателем, и – пожалуй, в первую очередь – незаурядной личностью. Название «Судьба человека» взято в кавычки, хотя заголовки произведений не требуют этого: название позаимствовано у М.А. Шолохова, и это не выражение постмодернистского взгляда на «мир как текст», а выбор, принципиальный в плане концепции. Наш автор, как и великий предшественник, видит в своём герое, прежде всего, человека,

проявляющего свою сущность в разных обстоятельствах и всегда умеющего оставаться Человеком, достойным того, чтобы о нём узнали и оценили его.

«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»

Т.К. Сухих

Не так давно в нашем доме собирались однокурсники моей дочери Ольги, «вспоминали минувшие дни», много смеялись, рассказывали разные истории из своего филфаковского прошлого. Вспоминали и некоторых преподавателей. Большинство из тех профессоров и доцентов, о которых говорили за общим столом, пришли на факультет уже после того, как мой курс его окончил, и я не знаю этих людей лично. Но есть один преподаватель, который начинал работать ещё в наше время – в 50-е – 60-е годы, потом же читал лекции и курсу моей дочери, – Иван Кириллович Кузьмичёв. И вот я решила включиться в разговор и спросила: «А об Иване Кирилловиче вы многое помните?» Наши гости задумались, некоторые сказали, что хорошо запомнили, как он читал лекции о прекрасном, трагическом, героическом – об эстетических категориях. Кое-кто вспомнил, что он строго принимал экзамены. Как он выглядит внешне – это помнят практически все. Но вот о его личных качествах, о его судьбе, как оказалось, студенты 1980-х–1990-х годов почти ничего не знают. Одна из Ольгиных однокурсниц, осознав это, предложила мне: «Тамара Константиновна, Вы ведь пишете очерки о прошлом, о разных людях, напишите об Иване Кирилловиче, Вы наверняка знаете о нём больше, чем мы». И вот я решила последовать её совету. Тем более, это уже не первый опыт: я когда-то рассказывала своим ученикам об этом человеке. Он ведь фронтовик, а в советской школе было принято проводить «уроки мира» и приглашать тех, кто прошёл войну. Я Ивана Кирилловича не звала на такой классный час, но сама говорила о нём детям. Мне всегда хотелось, чтобы они уважали фронтовиков, чтобы воспринимали историю через судьбу отдельного человека, чтобы не возникало непонимания между поколениями.

Надо сказать, что когда-то я тоже не очень много знала об Иване Кирилловиче, но судьба сложилась так, что мы впоследствии часто общались, такая чисто человеческая связь между нами никогда не прерывалась, и мне приятно осознавать, что и сейчас она существует. А для моего мужа Стаса Иван Кириллович был и остаётся

одним из самых уважаемых учёных, а в нынешние годы стал и другом. Они часто общаются по телефону, причём чаще звонит именно Иван Кириллович: его очень интересует всё, что происходит и с нами, и с общими знакомыми на факультете.

Наверное, во время моей учёбы в Горьковском (тогда он ещё был Горьковским...) государственном университете Иван Кириллович был не таким, каким знают его мои молодые друзья: годы всегда меняют человека. Но потому и хочется мне передать мои впечатления, воспоминания о нём, что это, по-моему, будет интересно студентам и других поколений, а не только моего. Возможно, то, что я напишу, по-новому откроет для них личность преподавателя, вроде бы хорошо знакомого.

И.К. Кузьмичёв рассказывал мне, что он родился в деревне Клюкино Нижегородской губернии, Семёновского уезда. Шли бурные 1920-е годы, драматические для всей страны и особенно крестьянства. Не случайно потом, преподавая историю русской литературы XX века, Иван Кириллович очень любил рассказывать о писателях-«деревенщиках»: их видение крестьянской жизни, да и просто сама тема сельского быта всегда были очень ему близки, ведь он тоже выходец из деревни. Он знает её проблемы, радости и трудности не понаслышке. Семья Кузьмичёвых жила не богато, но в достатке, относилась к так называемым «среднякам». В ней все много работали, ведь семья была небольшой: отец Ивана Кирилловича погиб от несчастного случая на мельнице, дядя был убит на Первой мировой войне, вырастили его дед и мать. Она была простой женщиной, привыкшей к крестьянскому труду, неграмотной. Может быть, именно поэтому ей очень хотелось, чтобы сын получил образование, тем более она видела, как он стремится учиться, как любит читать, чувствовала в нём способности и хотела, чтобы он сумел заняться тем, что ему по душе. С трёх-четырёх лет мальчик был с матерью на любой работе: и в поле, и на дойке коровы, и в доме. Он всему научился очень рано. Но матери хватило жизненной мудрости дать сыну дорогу в другую жизнь.

Окончив семилетку в деревне Шалдежка, Иван Кириллович в Семёнове поступил в педучилище, хотя был довольно большой конкурс. По моим впечатлениям, это стремление к учёбе, к знаниям тогда было очень характерно для выходцев из крестьянской и рабочей среды: они хотели совершенствоваться, подниматься над своим уровнем, не случайно послереволюционные десятилетия дали так

много настоящих «самородков» (например, из северного села Вилегодска, родины моего мужа Стаса, и окружающих деревень тогда вышло 7 академиков, несколько крупных военачальников и флотоводцев – о них был в 1970-е годы снят полнометражный документальный фильм под названием «Вилегодские мужики»).

Иван Кириллович хотел быть учителем, потом поступил в Горьковский пединститут, вновь пройдя большой конкурс. Однако все планы пришлось отложить: началась война.

Наш герой оказался в 15-ом запасном полку на Урале, где был глубокий тыл, и это давало возможность пройти хоть какую-то подготовку. И.К. Кузьмичёв рассказывал мне, что готовились к боевым действиям очень мало. Он был по своей военной специальности миномётчиком, но до фронта практически не прикасался к миномёту (речь идёт о самом большом на тот момент, 120-миллиметровом миномёте), лишь один раз на стрельбищах наблюдал, как из него стреляют. И с такой подготовкой нужно было воевать... Когда мы с Иваном Кирилловичем говорили об этом, меня поразило, что он не возмущался, не упрекал власти в том, что бросали в бой почти необученных мальчишек. Сейчас принято именно в таком ключе смотреть на проблему: многие журналисты, писатели акцентируют внимание на подобных ситуациях, чтобы подчеркнуть наплевательское отношение государства к человеку. Например, В. Астафьев не случайно назвал свой роман «Прокляты и убиты»: в нём выражена та мысль, что солдат гнали на смерть ради равнодушного к ним государства, так вот, у Ивана Кирилловича, по моим впечатлениям, отношение к этой проблеме совершенно иное. В его словах звучало спокойное и очень мудрое понимание того, что такие обстоятельства — это не злая воля командования или руководства страны, а трагические условия войны, когда не было других возможностей, не было иного выхода, чем идти на жертвы. И это не демагогия, это точка зрения человека, который сам побывал в подобной ситуации, поэтому она так убедительна и достойна уважения.

Многие фронтовики неохотно рассказывают о войне. Вот отец моего мужа Стаса, Иван Иванович Сухих, говорил, что невозможно подобрать слова, чтобы сказать действительно всю правду о тех событиях, и никогда не читал книг о войне, не смотрел военных фильмов. И.К. Кузьмичёв рассказывал немного, но в его воспоминаниях были такие яркие факты, которые мне хочется передать. Об учебном полку на Урале он говорил, что там солдаты голодали и замерзали.

Такую обстановку описывает в своем романе «Прокляты и убиты» В. Астафьев, и в изображении бытовых условий он практически не погрешил против истины. Но в то же время Иван Кириллович сказал как-то Стасу, что психологическая атмосфера была совсем иной: не было того постоянного воровства, о котором писал автор романа, не было ни равнодушия, ни ненависти командиров к рядовым. Вообще, И.К. Кузьмичёв не раз упоминал о том, что ему очень везло на хороших командиров, хотя однажды с ним произошёл очень драматичный случай. Командир поручил ему передать приказ, и он всё сделал, но офицер, которому этот приказ передавался, почему-то забыл о нём, видимо, из-за быстро менявшейся обстановки. И тогда командир решил, что это солдат не выполнил поручение. Он достал пистолет и направил его на Ивана Кирилловича. Трудно сказать, собирался ли он действительно стрелять, но по военным временам вполне могло так случиться. Однако тут вмешался тот офицер, которому приказ передавался: он оказался порядочным человеком, признал свою оплошность и этим спас Ивана Кирилловича, хотя сам очень рисковал.

Война выявляла в людях и чувство ответственности, и смелость. Обычный сержант мог взять на себя обязанности погибшего командира и повести за собой людей, сориентироваться в обстановке боя, что иногда бывало крайне трудно. Они были не просто исполнители чужой воли – в этом я уверена.

Иван Кириллович однажды рассказал мне об одном эпизоде военной жизни, который он назвал самым страшным для себя. Это был бой, который закончился для его батареи полным разгромом: немцы застали её врасплох. И.К. Кузьмичёв в тот момент как раз спал после ночного дежурства, причём лежал в неглубоком окопе так, что ноги торчали вверх, и было похоже, что это убитый солдат, упавший в окоп. Поэтому немцы, видимо, и не подошли к нему.

Потом он встал из своего укрытия и, к ужасу своему; заметил, что он остался один. Иван Кириллович сказал, что он был настолько поражён и подавлен, не мог понять, где все остальные: может быть, погибли? И настолько это было страшно, что ему самому хотелось умереть. Слушая рассказ об этом, я невольно задавала себе вопрос: чего же именно боялся мой собеседник? Может быть, того, что его всё-таки заметят немцы, а может, того, что свои не поймут: «Как же так, все погибли, а тебе одному удалось выжить?» Но задать свой вопрос я не решалась. И тут Иван Кириллович сам заговорил об

этом, и оказалось, что я ошибалась в своих предположениях: природа страха была другой. Он сказал, что его пугало тоскливое и безысходное одиночество, и тогда я поняла, что это действительно страшнее того, о чём подумала я.

А кроме того, страшно было и другое: кругом развороченное снарядами поле боя, ни одного человека, и совершенно непонятно, в какой стороне свои, а в какой – враги и куда идти... В блиндажах Иван Кириллович нашёл ещё двоих солдат, нужно было выходить к своим, но один из них был как раз уроженцем этих мест и ушёл домой, дезертировал. А Иван Кириллович вместе с другим солдатом решили искать своих. Они спустились в ложбину и увидели миномёты, которые были оставлены на произвол судьбы. Видимо, именно в этот овражек спустилась вся батарея в начале боя, чтобы стрелять из укрытия, а он, спавший, остался в окопчике. «Отряд не заметил потери бойца...» Трагическая ситуация войны, когда во внезапно начавшемся бою уже не до отдельных судеб, когда случайность может погубить человека, а может, наоборот, спасти... У меня сердце сжалось, когда я подумала, что это могло закончиться трагически для моего собеседника.

Что случилось потом с батареей – этого Иван Кириллович так и не узнал. Возможно, его однополчане погибли, возможно, отступили, а может, были взяты в плен.

И.К. Кузьмичёв свинтил с миномётов прицелы, без которых эти орудия бесполезны, и они вдвоём со вторым солдатом двинулись в путь.

Решая для себя, как описать эту ситуацию, я вспоминала типичные эпизоды из военной литературы, и мне казалось, что здесь мой герой и его спутники должны были выглядеть растерянными, с застывшим выражением ужаса в глазах... Но я вновь ошиблась. Всё-таки насколько отличается моё восприятие событий – взгляд человека, много прочитавшего о войне, – и восприятие того, кто сам прошёл эту войну, пережил её! Иван Кириллович, продолжая вспоминать, говорил, что они испытывали уже не страх, а невероятную усталость, даже не столько физическую, сколько эмоциональную: слишком много на них свалилось, слишком сильны были переживания, для страха уже не оставалось сил.

Вдвоём они, совершенно обессиленные, вышли всё-таки к своим, присоединились к другой батарее – 75-миллиметровых пушек. С большим трудом подразделение выходило из окружения, прихо-

дилось скрываться и от немцев, и от наших бомбардировщиков – «ночных ведьм», которые бомбили фашистов, а перед тем бросали осветительные бомбы, в такой обстановке они могли демаскировать не только немцев, но и своих. Однажды немецкая колонна прошла буквально в нескольких метрах от наших бойцов, среди которых был и герой моего очерка. Они сумели спрятаться в поле кукурузы, и их не заметили.

Когда они вышли из окружения, командир сказал, что солдаты могут отправиться в медсанбат, чтобы прийти в себя и хоть немного поправить здоровье, но могут и снова вернуться на передовую, если готовы к этому и этого хотят. Некоторые предпочли первое, а Иван Кириллович решил вернуться на фронт.

Когда я задумываюсь о воспоминаниях фронтовиков, которые я слышала и читала, то мне приходит в голову, что война – это тоже жизнь, только в других условиях. Она меняет психологию, переворачивает нормы поведения: если в обычной жизни действует и официальный, и нравственный запрет на убийство, то во время войны убийство врага – это неизбежность, а преступлением будет уже невыполнение такого долга. Человек становится другим. Но даже война не меняет существа его характера: кто в мирной жизни был порядочным, тот и в военной обстановке сохранит в душе нравственный закон, как это произошло с героем замечательного шолоховского рассказа, из которого я позаимствовала название этого очерка.

Иван Кириллович по военным дорогам прошёл от Сталинграда до Праги. Уже после победы сказалась усталость от войны, очень хотелось поскорее вернуться к нормальной жизни, к учёбе, к любимой филологии. Побыстрее демобилизоваться Ивану Кирилловичу помог его преподаватель И. Ермаков: выписал справку о том, что он был призван в армию со второго курса пединститута (на самом деле с первого) и теперь может продолжить учёбу. Тогда как раз вышел приказ о демобилизации тех, кто успел уже год проучиться в вузе. И. Ермаков потом говорил, что ошибся, записав Ивана Кирилловича во второкурсники. Но сам Иван Кириллович считает, что И. Ермаков просто хотел помочь ему поскорее демобилизоваться, тем более что другой преподаватель спорил с ним, утверждал, что Кузьмичёв был на момент призыва первокурсником. Иван Кириллович некоторое время колебался: воспользоваться ли этой справкой? Но потом решил, что такова судьба, и демобилизовался.

Окончив вуз, И.К. Кузьмичёв учился в аспирантуре там же, в пединституте, работал 2 года в Институте иностранных языков, но потом в этом вузе перестали преподавать русскую литературу, пришлось увольняться. Однако как раз появилась вакансия в университете, и тогдашний декан филфака Г.В. Краснов пригласил Ивана Кирилловича.

Одна из наших знакомых преподавательниц рассказывала мне такой эпизод. Она тогда поступила на наш факультет в аспирантуру, а Иван Кириллович уже преподавал, но он выглядел совсем юным, и она приняла его тоже за аспиранта или даже студента. Аспирантка присела на подоконник рядом с ним, и между ними завязался разговор о преподавателях, и девушка (а она окончила один из центральных, известнейших вузов) некоторых доцентов и даже профессоров оценила, мягко говоря, не слишком высоко. Иван Кириллович слушал её, лукаво улыбался, а потом спросил: «А вот есть тут ещё такой преподаватель – Кузьмичёв, что Вы о нем скажете?» Собеседница задумалась и сказала: «Вот этого я ещё не имела счастья узнать, не слышала ни одной его лекции». А он так же лукаво ответил: «Ну, ничего, может быть, ещё услышите, покритикуете».

Я впервые увидела Ивана Кирилловича на вступительных экзаменах, на апелляции. Об этом я писала в очерке «Мой университет». И.К. Кузьмичёв тогда поддержал мою точку зрения, а не Г.В. Москвичевой, которая объясняла мне, что Базаров был революционером. Я спорила, была уверена в себе, и, наверное, Ивана Кирилловича подкупила даже не сама моя точка зрения, а то, как я не испугалась противостоять целой комиссии и упорно доказывала свою правоту. Он сказал: «Коллеги, нужно, несомненно, ставить «5», посмотрите, как девочка рассуждает, аргументирует свое мнение!» До сих пор я ему очень благодарна за то, что он признал меня как личность, имеющую свой взгляд. Потом, когда мы с ним встретились в коридоре, он спросил: «Как же Вы так хорошо подготовились, знаете всю критику, все споры о тургеневском романе?» Я рассказала, что мы с подругой Лялей готовились к экзаменам на крыше нашей пятиэтажки, брали с собой одеяло и, лежа на нём, занимались с 9 до 3 часов дня, стояли тёплые дни – можно было одновременно и загорать. Иван Кириллович развеселился и со своей характерной чуть лукавой улыбкой сказал: «Ну, если на крыше, то тем более пятёрку заслужили! Первый раз слышу о такой методике!».

Иван Кириллович читал нам лекции о советской литературе на 4 курсе, а на 5-м – о теории литературы, причём его больше всего привлекали эстетические категории: прекрасное, трагическое, комическое, героическое... Мы запомнили своего преподавателя как очень порядочного человека, который никогда не позволял себе посмеяться над студентом, пусть даже плохо знающим предмет. Для лекций И.К. Кузьмичёва была характерна методика сопоставлений: он любил сталкивать разные точки зрения критики на проблему, разные мнения писателей по тому или иному вопросу. В этом есть большое мастерство, что я осознала уже позже, будучи учителем. Объективно представить разные взгляды и в то же время выразить своё мнение – это ведь так важно и так сложно, Иван Кириллович всегда очень много читал и постоянно совершенствовался, учился. Мы, занимаясь в библиотеке, часто видели его за соседним столом, с горой книг. Преподавание современной литературы предполагает знание ещё не устоявшегося, постоянно меняющегося материала, нужно быть знакомым с периодикой, с критикой. Иван Кириллович и нам советовал почитать тот или иной журнал, какое-нибудь недавно опубликованное произведение. И ещё мне помнится, что Иван Кириллович очень просто говорил. Он не упрощал проблемы – нет, но умел о сложном сказать так, чтобы всем было понятно. Есть преподаватели, которые на лекциях самовыражаются, и им безразлично, возникает ли обратная связь, а для И.К. Кузьмичёва это было важно. Он вообще всегда стремился включить студентов в спор, в обсуждение вопроса. Вспоминаю, как он присаживался на первый стол лицом к аудитории и с хитровой улыбкой говорил: «Ну-ка, а что Вы думаете по этому в высшей степени замечательному поводу?» Мы тогда не задумывались о методических приёмах, а вот теперь я вижу все преподавательские «ходы» с точки зрения самого преподавателя. Интересно, что вопрос Иван Кириллович ставил так, что нужно было и вспомнить материал лекции, и в то же время мыслить самому. В такой работе преподавателя – тоже большой талант, ведь правильная постановка вопроса – это во многом уже залог верного ответа.

Самостоятельность мысли – это одно из определяющих качеств настоящего учёного. И.К. Кузьмичёв не случайно старался формировать эту способность у студентов, не случайно оценил моё упорство на апелляции: он сам придавал большое значение тому, чтобы уметь отстаивать собственную точку зрения. Меня в своё время очень заинтересовала история полемики Ивана Кирилловича со зна-

менитым в те годы писателем Константином Симоновым. Молодой преподаватель из г. Горького – и литератор с именем, с опытом, с большим авторитетом, для критики почти «неприкасаемый»... Иван Кириллович написал статью «Заметки о современном военном романе» – о том, что в трилогии К. Симонова «Живые и мёртвые» существуют художественные недостатки и нет настоящей правды в изображении войны. У некоторых позиция никому не известного провинциала вызвала возмущение, была часть литературной общест-венности, которая восприняла это как проекцию басни «Слон и Моська», о чём и написали в газетах, вплоть до «Литературной газе-ты» и «Правды», а это по тем временам (это был 1965 г.) было нешу-точно. Но, как бы ни был знаменит К. Симонов, прав оказался наш преподаватель. Правда, автор трилогии «Живые и мёртвые» в годы Великой Отечественной действительно многое видел своими глаза-ми: был военным корреспондентом. Но, в отличие от него, Иван Ки-риллович сам воевал и осмысливал военные реалии с точки зрения «окопной правды». Ведь одно дело видеть, например, атаку – и дру-гое дело самому подниматься из окопа и идти навстречу опасности.

Статья в «Правде», направленная против И.К. Кузьмичёва, на первый взгляд должна была стать большой неприятностью для него, но получилось иначе: благодаря этой статье о его позиции узнали в литературном и научном мире, и у него появилось много сторонни-ков – это потом даже помогло ему при защите докторской диссертаци-и.

Когда я спрашивала разных людей, о том, какие у них воспомина-ния об Иване Кирилловиче как об учёном и человеке, то одна из молодых преподавательниц рассказала, что он сыграл большую роль не только в её образовании, но и в судьбе. Сначала она в разговоре со мной вспомнила, как читала доклад и именно И.К. Кузьмичёв первым увидел в её работе настоящую научную новизну. Он с сожа-лением говорил лишь о том, что она специализируется не на его ка-федре. И она запомнила его чувство настоящего уважения к способ-ностям студента.

Моя собеседница затем рассказала и о том, что Иван Кирилло-вич (уже в то время, когда она работала и писала кандидатскую дис-сертацию) помог ей получить комнату в университетском общежи-тии, чтобы не ездить на занятия издалека на электричке. Он никогда не был равнодушным к чужим проблемам и сейчас тоже всегда ин-тересуется жизнью факультета, кафедры.

У нас с моим мужем Стасом много старых фотографий, ещё со времён нашей учёбы в университете. И, просматривая эти снимки, я вижу: Иван Кириллович с нами на первомайской демонстрации, Иван Кириллович с нами в аудитории, Иван Кириллович с нами на конференции... Это один из тех преподавателей, которые постоянно были рядом со студентами, формировали их мировоззрение. И не случайно с именами таких учёных, как И.К. Кузьмичёв, для нас связывается память об университете.

Литература

Болнова 2020 – Болнова Е.В. *Творчество М. Шолохова в работах С.И. Сухих* // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 2(6). С. 80–101.

Юхнова 2020 – Юхнова И.С. *Научный стиль Всеволода Алексеевича Грехнёва* // "Старик Державин..." Ушедшие филологи, наши учителя: Сборник научных статей. СПб., 2020. С. 59–70.

Юхнова 2021 – Юхнова И.С. *Собеседник классиков Н.М. Фортунатов (к 90-летию ученого)* // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 3(11). С. 125–132.

A PAGE OF HISTORY: THE SCHOLAR'S JOURNEY

© **Sukhikh Olga Stanislavovna** (2023), ORCID ID: 0000-0002-1670-880X, SPIN-code: 7270-9237, Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky (Russian Federation, 603950 Nizhny Novgorod, Ave. N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod (Russian Federation, 603950, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Ave.), ruslitxx@list.ru

On the eve of the anniversary of the talented Nizhny Novgorod scholar of literary criticism Ivan Kirillovich Kuzmichiov is published the essay of memoirs dedicated to his fate, written by T. K. Sukhikh based on conversations with the hero. The essay contains biographical information about him, reviews his military past, describes his work as a scholar and teacher.

Keywords: Ivan Kirillovich Kuzmichev, Gorky State University, Great Patriotic War, memoirs, teacher.

References

(Articles from Scientific Journals)

Болнова 2020 – Bolnova E.V. *Tvorchestvo M. Sholokhova v rabotakh S.I. Sukhikh* [Sholokhov's work in the works of S.I. Sukhikh]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2020, no. 2(6), pp. 80–101. (In Russian).

Юхнова 2021 – Yukhnova I.S. *Sobesednik klassikov N.M. Fortunatov (k 90-letiyu uchenogo)* [Classics' interlocutor N.M. Fortunatov (on the scholar's 90th birthday)]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2021, no. 3(11), pp. 125–132. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Юхнова 2020 – Yukhnova I.S. *Nauchnyy stil' Vsevoloda Alekseyevicha Grekhnevya* [Vsevolod Alekseevich Grekhnyov's scientific style]. *"Starik Derzhavin..." Ushedshiye filologi, nashi uchitelya: Sbornik nauchnykh statey*. Saint-Petersburg, 2020, pp. 59–70. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.04.2023